

Выполнение разработок в области ядерной энергии – как для военных, так и для различных мирных целей – является для любого государства сложной научной и технической проблемой, решение которой требует привлечения значительных финансовых, материальных и кадровых ресурсов. С учетом их особого стратегического значения, в том числе как фактора экономического или военного воздействия, выбор одного из этих вариантов развития или же сразу обоих требует от правительств государств непосредственного участия в их реализации, обеспечении должного финансирования, контроля и руководства общенациональными разработками в этой области.

Безусловно, краткая история использования человеком энергии ядра также является и историей ядерной политики, которая проводилась различными государствами, овладевшими этой энергией и осуществлявшими соответствующие разработки – в особенности ведущими державами мира.

Тот разрушительный потенциал, который был создан для ведения ядерной войны между Советским Союзом и странами НАТО, сильно повлиял на формирование общественных и политических взглядов на ядерную энергетику. Хотя с течением времени гонка вооружений не прекращалась, при этом все более усиливалась тенденция к ограничению возможностей ядерного оружия с помощью Договора о нераспространении, соглашений о запрещении ядерных испытаний, а также дипломатически согласованных обязательств о движении к полному ядерному разоружению.

В течение этого исторического периода ведущие державы мира не переходили к военным действиям непосредственно друг против друга. Стратегическое равновесие между сверхдержавами, достигнутое в 1970-х гг. и зафиксированное в рамках договоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), пришло на смену существовавшей ранее доктрине гарантированного взаимного уничтожения; однако в начале 1980-х гг. этот договор был ослаблен, когда Соединенные Штаты начали осуществление противоречивой программы Стратегической оборонной инициативы. В конечном счете, сначала новые соглашения о сокращении вооружений между СССР и Соединенными Штатами, а затем коллапс социалистического блока и самого СССР обусловили резкое изменение всей политической карты мира; при этом создавалась новая обстановка для продвижения к полному уничтожению ядерного оружия на всей планете. Учитывая исчезновение «баланса сил» и наличие единственной сверхдержавы, стало совершенно ясно, что ядерное оружие утратило свой смысл.

С другой стороны, окончание гонки вооружений между крупнейшими державами не устранило потенциальной возможности применения ядерного оружия. В разгар взрывоопасной ситуации, возникшей между Индией и Пакистаном в 1998 г. из-за конфликта по вопросу о Кашмире, эти государства провели несколько подземных ядерных испытаний, включив тем самым ядерный фактор в общеполитическое уравнение. На Ближнем Востоке ядерное оружие было создано Израилем, так же как и соответствующие боевые системы для его доставки в пределах всего региона. Кроме того, сейчас вполне очевидно, что ряд дру-

гих государств Ближнего Востока стремится в кратчайшие сроки заполучить возможности нанесения ядерного удара.

Хотя такое развитие событий и является предметом нашего глубокого беспокойства, максимальная угроза применения ядерного оружия в населенных районах исходит сегодня от опасности получения террористической организацией в свое распоряжение ядерного устройства или нескольких таких устройств. Подобные группы находятся вне сферы компетенции любого из существующих политических или дипломатических механизмов, ввиду того, что последние функционально предназначены лишь для предотвращения военных конфликтов между государствами или проведения переговоров с целью разрешения спорных вопросов.

К счастью, через 50 лет после появления ядерного оружия пути к нераспространению и разоружению, похоже, начинают совпадать с политической необходимостью и историческими возможностями. Вслед за подписанием договоров о сокращении стратегических вооружений (СНВ)², а также бессрочным продлением Договора о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. предпринимаются новые инициативы, позволяющие нам более уверенно смотреть в будущее. Пока еще трудно судить, сколько времени займет этот длительный процесс. Все зависит от целого ряда факторов, но в первую очередь – от ясного осознания государствами, обладающими ядерным оружием, того факта, что лишь полное его уничтожение сможет создать должные условия для обеспечения безъядерного мира на нашей планете.

На сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, состоявшейся в Женеве в мае 2003 г., четко проявились приоритеты США в обстановке, сложившейся после событий 11 сентября 2001 г., – стремление исключить возможность получения другими государствами ядерного оружия, причем проблема ядерного разоружения вновь отодвигается на периферию как далекая задача риторического характера.

Кроме того, развязанная под руководством США война против Ирака оправдывалась правительствами Соединенных Штатов и Великобритании тем, что Ирак якобы представлял собой непосредственную угрозу, для чего и были предприняты превентивные военные действия против такого противника – очень сильно уступающего им по силам, но обладающего огромными запасами нефти. Однако до сего времени они не нашли каких-либо убедительных доказательств существования ОМУ в Ираке, так как секретная программа создания ядерного оружия в этой стране была прекращена усилиями МАГАТЭ и ЮНСКОМ после того, как в 1991 г. ее наличие было выявлено.

Заседания упомянутой сессии Подготовительного комитета проходили под влиянием нового серьезного вызова: Северная Корея заявила о выходе из Договора о нераспространении, а США обвинили Иран в том, что тот имеет несколько секретных ядерных объектов.

Таким образом, существует острая необходимость сосредоточить наши совместные усилия на решении ряда острых вопросов нераспространения и разоружения, а также на их обсуждении в атмосфере реализма.

ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

За 25 лет существования ДНЯО, несмотря на весьма похвальные намерения, с которыми он был создан, всем стала ясна хрупкость режима нераспространения. По определению, в рамках любой программы по созданию мирной ядерной энергетики создается и потенциал средств военного значения. Для такого переключения усилий требуется всего лишь принять политическое решение. Рамками возможностей данного договора не предусмотрено наложение ограничений на мирное развитие ядерной энергетики, поэтому он практически бессилён в данном контексте.

До тех пор пока мирные отношения не установятся на всей планете, представляется маловероятным, что может быть осуществлено действенное ядерное разоружение. Не говоря

уже о вопросах национальной обороны, одностороннее ядерное разоружение находится за пределами политической возможности для любого из правительств ведущих ядерных держав; общественное мнение их стран не поддержит подобного решения в условиях существующей нестабильности на нашей планете. Тем не менее, такие реалии ни в коей мере не уменьшают острую необходимость рассмотрения вопросов нераспространения тогда и там, где имеются возможности найти их успешные решения.

Являя собой иллюстрацию существовавшего на тот момент геополитического статуса-кво, переговоры о бессрочном продлении ДНЯО в Нью-Йорке в мае 1995 г. из-за задержек и проволочек превратились в весьма трудный, противоречивый и резко поляризованный процесс; была продемонстрирована острая необходимость продолжения сотрудничества и достижения понимания в данной области между всеми странами мира как единственно возможного пути для создания истинно стабильного и надежного режима нераспространения.

Первая Конференция по рассмотрению действия ДНЯО после бессрочного продления срока его действия состоялась в Нью-Йорке в 2000 г. На ней был выработан ряд важных документов, включая «13 шагов по ядерному разоружению», которые удалось принять благодаря целенаправленным действиям ряда государств, не обладающих ядерным оружием. Однако на состоявшейся затем первой сессии Подготовительного комитета из-за ухудшения международной обстановки пришлось затушевывать углубляющиеся разногласия, так как некоторые ядерные державы изменили позиции по принятым ими обязательствам и попытались отступить от ряда положений, согласованных в 2000 г.

Второе заседание Подготовительного комитета состоялось в Женеве в мае 2003 г., в нем приняло участие 106 государств-участников. С точки зрения дипломатии это было безусловным успехом, но с политической точки зрения это не вполне так. Многие страны желали, чтобы были рассмотрены случаи нарушения положений ДНЯО со стороны Северной Кореи и ее заявление о выходе из Договора, в то время как Соединенные Штаты стремились своими обвинениями загнать в угол Иран, причем они продолжают занимать эту позицию вплоть до сегодняшнего дня. К положительным моментам данного международного форума следует отнести присоединение Кубы к Договору о нераспространении ядерного оружия 4 ноября 2002 г., что приветствовали многие государства-участники. После ратификации Соглашения о всеобъемлющих гарантиях, осуществленной 18 сентября 2003 г., Куба стала 188 государством-участником Договора; в настоящее время вне сферы его действия остаются лишь Израиль, Индия и Пакистан.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ И РЕАЛИИ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ КУБЫ

В конце 1970-х гг. Куба приняла решение создать инфраструктуру, необходимую для освоения ядерной энергетики, как часть комплексной стратегии развития страны. Для этой цели были подписаны два основополагающих соглашения с правительством Советского Союза. Первое из них предусматривало разработку конструкции, поставку и строительство атомной электростанции в составе двух блоков на базе реактора типа ВВЭР-440, а именно его улучшенной модели В-318. Второе соглашение предусматривало разработку, поставку и строительство ядерного исследовательского центра, имеющего исследовательский реактор типа ИРТ мощностью 10 МВт (советской разработки), а также критическую сборку (реактор с нулевой мощностью, разработанный в Венгрии). При этом ранее существовавшее соглашение с этой страной было включено в структуру нового договора.

Данные межправительственные соглашения и контракты по их выполнению были подготовлены и подписаны, причем в них ни в коем случае не предусматривалось наличие положений о поставке ядерных материалов.

В 1980-х гг. в целом, а в особенности во второй половине десятилетия, Куба достигла значительных успехов в ядерной области. Была создана соответствующая инфраструктура, которая обеспечивала безопасное использование ядерной прикладной техники, поэтому

естественными новыми шагами вперед были строительство атомной электростанции в Хурагуа, а также разработка и строительство Ядерного исследовательского центра.

Однако из-за серьезных изменений, которые произошли в мировой политической системе в конце 1980-х и начале 1990-х гг., кульминацией которых стал распад Советского Союза, выполнение вышеупомянутых соглашений было приостановлено. В свете этого, а также хорошо известных внешнеполитических факторов, кубинское правительство решило скорректировать стратегические направления развития ядерной программы Кубы.

5 сентября 1992 г. строительство атомной электростанции в Хурагуа было временно приостановлено по экономическим и финансовым причинам. Большая часть материалов, поставленных для первого блока, а также часть из них, предназначенная для второго блока, хранились на площадках, специально созданных для этой цели. Осуществлялась весьма дорогостоящая программа, выполнение которой позволяло поддерживать строящуюся станцию в должном состоянии с тем, чтобы иметь возможность возобновить строительные работы, как только позволят обстоятельства.

Было проведено технико-экономическое исследование, которое показало инженерную и экономическую целесообразность продолжения строительства. Следует отметить, что это обстоятельство предотвратило участие в проекте третьих сторон – тех, которые потенциально могли бы принять участие в завершении и вводе в строй АЭС, – несмотря на известный интерес, который был ими проявлен к этому проекту.

СОГЛАШЕНИЕ О ГАРАНТИЯХ

Для выполнения вышеупомянутых межправительственных соглашений Кубой и МАГАТЭ были проведены переговоры и далее подписаны соглашения по ядерным гарантиям типа INFCIRC/66, а также соответствующие дополнительные соглашения. Секретариат МАГАТЭ была распространена информация об упомянутых соглашениях по ядерным гарантиям, которая включает в себя следующее:

INFCIRC/281 – содержит текст Соглашения от 5 мая 1980 г. между Кубой и МАГАТЭ в отношении применения ядерных гарантий в связи с поставкой ядерной электростанции;

INFCIRC/298 – содержит текст Соглашения от 25 сентября 1980 г. между Кубой и МАГАТЭ по применению ядерных гарантий в связи с поставкой ядерного исследовательского реактора из СССР;

INFCIRC/311 – содержит текст Соглашения от 7 октября 1983 г. между Кубой и МАГАТЭ о применении ядерных гарантий в связи с поставкой ядерного реактора нулевой мощности из Венгрии.

В сентябре 1993 г. Куба проинформировала МАГАТЭ о решении своего правительства не продолжать проект по разработке и строительству исследовательского реактора по упомянутым выше причинам; она также сделала запрос о прекращении действия Соглашения INFCIRC/298 о ядерных гарантиях, касающихся исследовательского реактора. В этой связи Куба не получала каких-либо поставок, а конструкторские работы не были завершены.

В ответ на это обращение Секретариат МАГАТЭ согласился прекратить действие Соглашения INFCIRC/298, а Совет управляющих принял к сведению упомянутое решение на своем заседании, состоявшемся в марте 1995 г.

В результате этого между Кубой и МАГАТЭ продолжали действовать два соглашения по ядерным гарантиям типа INFCIRC/66, а именно документы INFCIRC/281 (касается поставок оборудования для АЭС) и INFCIRC/311 (относится к поставкам оборудования для ядерного реактора нулевой мощности). Они продолжали действовать вплоть до 2002 г., когда Куба подписала Договор о нераспространении.

В этой связи необходимо отметить, что Куба не получала никаких ядерных материалов на территории, находящейся под ее юрисдикцией, и что никаких подобных материалов, требующих гарантий, на таковой территории не имеется. Любые части и компоненты подобного рода установок, охваченных ядерными гарантиями, в соответствии с упомянутыми выше соглашениями, подлежат инспекциям МАГАТЭ.

Далее, Куба всегда придавала особое значение деятельности по обеспечению ядерных гарантий, признавая необходимость мер по укреплению их эффективности и повышению надежности системы гарантий МАГАТЭ. Данная позиция была особо подчеркнута кубинской делегацией в ходе работы в период 1990-х гг., когда было решено принять Типовой дополнительный протокол к соглашениям по ядерным гарантиям, или документ INFCIRC/540 (новая редакция).

В октябре 1999 г. Куба ясно продемонстрировала свои намерения, подписав Дополнительный протокол к ранее существовавшим соглашениям о ядерных гарантиях, относящийся к предоставлению информации и улучшению доступа на технические объекты. В связи с этим Куба стала первым государством, еще не подписавшим ДНЯО, но уже присоединившимся к упомянутому Протоколу. В целом же приверженность Кубы укреплению ядерных гарантий подчеркивает ее неизменный интерес к обеспечению мирного использования ядерной энергии.

РЕШЕНИЕ КУБЫ О ПОДПИСАНИИ ДНЯО

Позиция Кубы по отношению к международным документам в сфере ядерного нераспространения, а именно к ДНЯО и Договору Тлателолко, постоянно доводилась до сведения международного сообщества. Позиция страны в пользу достижения ядерного разоружения, а также выдвижение в качестве конечной цели всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем хорошо известны в мире с самого начала проведения соответствующих дискуссий по Договору о нераспространении – еще с 1968 г.

14 сентября 2002 г. министр иностранных дел Кубы в своем выступлении на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке заявил: «В качестве сигнала о четкой политической воле правительства Кубы, о приверженности государства процессу эффективного разоружения и достижения мира во всем мире наша страна приняла решение присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия. Тем самым мы вновь подтверждаем нашу надежду на то, что все виды ядерного оружия будут полностью уничтожены под строгим международным контролем».

Кроме этого, на Генеральной конференции МАГАТЭ в Вене 17 сентября 2002 г. Куба заявила о ратификации Договора Тлателолко, завершив таким образом процесс, охвативший все страны региона Латинской Америки и Карибского бассейна с образованием там безъядерной зоны. Это заявление Кубы было тепло воспринято всем международным сообществом, работающим в области нераспространения. Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей приветствовал эти решения, прокомментировав их следующим образом: «С реализацией намерения Кубы присоединиться к ДНЯО мы продвинулись на шаг вперед к созданию всеобщего режима ядерного нераспространения». Кроме того, он добавил, что «Договор Тлателолко являет собой очень хорошую модель, которая может стать образцом для создания других региональных безъядерных зон... Всеобщее и строгое соблюдение всеми странами в своих регионах соглашений по безъядерным зонам важно для дальнейшего усиления режима нераспространения». Министерство иностранных дел России дало следующие комментарии: «Мы надеемся, что данное решение повлияет на позицию других государств, которые все еще находятся вне рамок обязательств данного краеугольного документа в сфере разоружения».

В дальнейшем Кубой был предпринят ряд весьма важных шагов: 23 октября 2002 г. правительство Кубы сдало ратификационные грамоты Договора Тлателолко, а 4 ноября того же года им были вручены ратификационные грамоты Договора о нераспространении

ядерного оружия. 18 сентября 2003 г. Куба приняла решение подписать Соглашение о всеобъемлющих гарантиях и Дополнительный протокол к нему. Кроме того, в ноябре 2003 г. в Гаване проводилась Генеральная конференция ОПАНАЛ – Организации по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и странах Карибского бассейна.

Таблица 1

Членство Кубы в международных и региональных организациях, договорах и конвенциях

Членство в договорах и организациях	Куба (Республика Куба)
МАГАТЭ	1957 г.
Договор Тлателолко	Подписание: 25 марта 1995 г. Сдача ратификационных грамот: 23 октября 2002 г.
ДНЯО	Присоединение: 4 ноября 2002 г.
Дополнительный протокол МАГАТЭ	Подписание: 15 октября 1999 г.
Соглашения о всеобъемлющих гарантиях	Подписание: 18 сентября 2003 г.
ДВЗЯИ	Не подписан
КБТО	Ратификация: 21 апреля 1976 г.
КХО	Подписание: 13 января 1993 г. Ратификация: 29 апреля 1997 г.

Вышеуказанные шаги были предприняты Кубой как доказательство ее приверженности многостороннему подходу, они вновь ясно показывают нашу политическую волю к реализации эффективного хода процесса разоружения, что будет способствовать достижению мира во всем мире. При всем этом правительство Кубы рассматривает ДНЯО как недостаточный инструмент, имеющий ряд дискриминационных аспектов с учетом следующего:

- данный договор делит мир на две категории государств: те, которые обладают ядерным оружием, и те, которые таковым не обладают;
- он позволяет создать клуб ядерных держав, которые не стремятся искренне выполнять реальные и конкретные обязательства по разоружению. Тот факт, что до сих пор не были поставлены конкретные цели по всеобщему, безусловному и контролируемому ядерному разоружению, делает современный режим нераспространения несостоятельным и является свидетельством его дискриминационного характера;
- ядерному оружию сегодня дозволено стать «главной валютой мощи» во всем мире.

Таким образом, единственно честной основой для выстраивания надежного и последовательного режима ядерного нераспространения может стать только всеобщее, безусловное и контролируемое разоружение. С другой стороны, оговорки Кубы в отношении Договора Тлателолко были указаны в декларации, обнародованной 25 марта 1995 г. во время подписания этого документа. Несмотря на то, что каких-либо благоприятных изменений в плане безопасности нашей страны не произошло, Куба в качестве жеста доброй воли приняла решение подписать данный договор. Поддерживая благородные цели Договора Тлателолко, Куба полагает, что значение термина «запрещение» гораздо шире, чем значение термина «нераспространение». По этому случаю было заявлено следующее: «Правительство Республики Куба провозглашает, что те преграды, которые существ-

вовали до настоящего дня, препятствовали тому, чтобы Республика Куба стала полноправным членом Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, – остаются, продолжая серьезным образом влиять на безопасность нашей страны. Единственная ядерная держава в данной части мира – Соединенные Штаты Америки – проводит враждебную политику по отношению к Кубе, она ужесточает экономическую, коммерческую и финансовую блокаду, усиливает враждебную кампанию против нашей страны, продолжая – с использованием силы и действуя против воли кубинского народа – незаконно оккупировать часть нашей национальной территории, причем туда заходят корабли, имеющие на борту ядерное оружие. Все это является проблемой, решение которой в будущем должно рассматриваться как условие того, чтобы наша страна оставалась в рамках упомянутого Договора».

С точки зрения Кубы такие действия совершенно ясно показывают, что наша национальная безопасность не может быть гарантирована подписанием международных соглашений и договоров, но она весьма зависит от враждебных, дискриминационных политических действий другого государства.

Принятые в США «Закон о кубинской демократии» 1992 г. (Закон Торричелли) и Закон Хелмса–Бертонa 1996 г. специальным образом запрещают оказание любой помощи Кубе по выполнению ее ядерной программы. Эти документы запрещали, помимо прочего, всякое сотрудничество американских и зарубежных фирм с Кубой в деле достройки АЭС Хурагуа. Дискриминационный по своей сути Закон Хелмса–Бертонa, в частности, особо отмечал нежелание Кубы присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и ратифицировать Договор Тлателолко и, в связи с этим, нежелательность строительства атомной электростанции.

Тексты этих законодательных актов указывают, что Соединенные Штаты могут ввести экономические санкции против любого торгового партнера Кубы на основании того, что им было нарушено американское законодательство. Более того, эти юридические документы содержат положения о том, что необходимо сократить масштабы помощи в объеме «доллар за доллар» любому государству, которое оказывает помощь Кубе и сотрудничает в осуществлении ее программы. Далее, в упомянутом Законе указано следующее: «Любое возобновление усилий какого-либо из независимых государств бывшего Советского Союза ввести в действие любые ядерные объекты на Кубе... с учетом угрозы национальной безопасности, которую представляет эксплуатация любого ядерного объекта... будет рассматриваться как акт агрессии, на который будет дан ответ соответствующим образом так, чтобы обеспечить безопасность национальных границ Соединенных Штатов, равно как здоровье и безопасность американского народа». Ирония здесь состоит в том, что данная «угроза» была использована как основа для получения федеральных средств, создания и развертывания сети постов раннего обнаружения ядерной радиации (радиационного контроля) вдоль побережья Флориды и Мексиканского залива в конце 1990-х гг. – в то время как Куба не вела строительства ядерных реакторов, не ведет его и не имеет каких-либо планов по возобновлению такой деятельности.

Ввиду упомянутых выше экономических санкций со стороны Соединенных Штатов Куба не может рассчитывать на внешнюю помощь в виде инвестиций и займов от международных финансовых организаций, международного банковского сообщества или международной ядерной промышленности без полной нормализации отношений с Вашингтоном. Вскоре после вступления Дж. Буша в должность президента американская администрация стала усиливать эмбарго против Кубы, она прекратила все официальные контакты по вопросам кубинской программы развития ядерной энергетики между кубинскими и американскими должностными лицами на любом уровне – как формальном, так и неформальном.

Куба провела переговоры с широким кругом потенциальных партнеров для успешной реализации ее усилий по завершению выполнения ядерной программы; в течение определенного времени после подписания Договора Тлателолко предполагалось, что одна из российских компаний или какая-либо иная заинтересованная фирма сможет помочь Кубе в этой работе. К сожалению, мы обнаружили, что в действительности интерес к данному

